

Идея Люй Фэна построить на склоне горы петлевой мост-серпантин меньше чем за сутки облетела весь Мостостроительный филиал Государственного проектного института.

Слушая пересказ Се Юя, многие чувствовали, как у них кружится голова. От одной только мысли об этой извилистой конструкции их мучила мигрень, словно после поездки на американских горках.

В профессионализме Люй Фэна никто в филиале не сомневался, да и его возвращения из экспедиции на гору Чёрного Воробья ждали с нетерпением. Но никто и помыслить не мог, что инженер вернётся оттуда с идеей, граничащей с чистым, непостижимым искусством.

— Позвольте, но как в условиях горы Чёрного Воробья возвести серпантинный мост? Вбивать сваи прямо в отвесный склон над пропастью?

— Я думал, он поехал туда искать новые опорные точки, а он решил проектировать мост как арт-объект!

— Чисто теоретически рельеф позволяет проложить петлевой маршрут. Но... зачем? Какой в этом смысл?

Бездна, разделяющая образ мышления архитекторов и мостостроителей, внезапно предстала во всей красе. Все прежние сплетни о связи Люй Фэна с влиятельным семейством Инь вмиг вылетели у сотрудников из головы.

Изначально проект моста Горы Чёрного Воробья преследовал одну-единственную цель — проложить кратчайшую прямую линию через ущелье, чтобы сократить время в пути для скоростной магистрали, ведущей в Тибет. Задача всегда формулировалась предельно просто: преодолеть гигантский каньон. Но стоило этому вчерашнему выпускнику архитектурного факультета провести там несколько дней, как он загорелся идеей создать в глухих горах нечто авангардное и ни на что не похожее.

Разумеется, смелая идея Люй Фэна произвела в институте эффект разорвавшейся бомбы. Заинтригованные коллеги осаждали кабинет директора филиала У Инци, требуя разъяснений.

У Инци, курировавший проект с самого начала, пользовался непререкаемым авторитетом. Но на все взволнованные расспросы старейших сотрудников института он реагировал с абсолютным олимпийским спокойствием.

— К чему такая спешка? — невозмутимо отбивался директор. — Молодой парень поделился смелой задумкой, а вы уже подняли такой переполох, будто вчера из деревни приехали. Солидные же люди.

Он журил подчинённых с законным чувством правоты:

— Сами-то сколько лет в проектировании? Неужели у вас никогда не бывало безумных озарений? Ну и что с того, что мост будет серпантинным? Да пусть он там хоть американские горки нарисует, кто ему запретит? В конце концов, проект заморожен уже столько времени. Любое свежее направление исследований сейчас только на пользу.

В каждом слове директора сквозило намерение развязать Люй Фэну руки и дать ему полную свободу творчества. Ни тени сомнения, ни капли скепсиса.

Для ветеранов института это было за гранью понимания. Раньше стоило кому-то предложить хоть немного нестандартный концепт, как У Инци тут же обрушивал на него всю мощь своего колоссального опыта, безжалостно препарируя каждую ошибку и возвращая фантазёров с небес на землю. Почему же для Люй Фэна сделали такое исключение?

Старая гвардия вздыхала, почёсывая редёющие макушки и сокрушаясь о былых временах.

— Видно, такова привилегия юности, — ворчали они.

Привилегированный юноша на следующий же день перебрался в просторный конференц-зал. Помещение было светлым, прекрасно оборудованным, с широкими проходами между рядами кресел — там без труда поместились горы чертежей, отчётов и карт по проекту Моста Горы Чёрного Воробья. Но главным достоинством зала был колоссальный стол в самом центре — идеальное место для работы со стратегическими планами.

Директор Фэн, заглянув к нему, подбодрил:

— Директор У сейчас по уши в делах, но твои наработки его крайне заинтересовали. Работай над своим проектом спокойно. Обещаю, я лично костями лягу у дверей, но ни один праздный зевака сюда не проскочит.

Кабинет Фэн Ханьлиня располагался прямо напротив входа в конференц-зал. Любому визитёру пришлось бы прорываться через его пост, так что оборонительный рубеж обещал быть неприступным.

— И запомни слова директора У, — добавил Лао Фэн серьёзным тоном. — Мы пригласили тебя в институт не для того, чтобы вырастить очередного бездушного робота, штампующего типовые коробки. Дерзай, твори, не бойся смелых штрихов. Потребуются материалы — сразу ко мне. Будет не хватать рук — я прикреплю к тебе Чжун Кэ.

Люй Фэн не привык скромничать, когда дело касалось работы. Оглядев просторное помещение, он сразу перешёл к делу:

— Директор Фэн, мне нужен доступ к архивам. Я хочу изучить материалы по всем мостам, спроектированным нашим филиалом с момента его основания.

— Ко всем?! — Лао Фэн оторопел. — Но наш институт спроектировал больше сотни мостов!

Мостостроительный филиал Государственного проектного института был основан ещё в шестидесятых годах прошлого века для реализации сложнейших инфраструктурных задач страны. Каждый сданный в эксплуатацию объект знаменовал собой прорыв в отечественном мостостроении и становился хрестоматийным эталоном для региональных коллег. В периоды пиковой нагрузки институт умудрялся одновременно вести три-четыре масштабных проекта. За почти семьдесят лет архив филиала разросся до колоссальных масштабов. Объём хранящихся там чертежей, расчётов и монографий превосходил скромную папку по Мосту Горы Чёрного Воробья в тысячи раз.

И тем не менее, директор У одобрил запрос без лишних вопросов.

Получив из рук руководителя подписанный бланк допуска, Фэн Ханьлинь нахмурился. Люй Фэн, бесспорно, был гением с выдающимися амбициями. Но он работал в институте меньше месяца, его личное дело ещё даже не прошло все этапы стандартной проверки, а ему уже открывали доступ к святой святых — закрытому архиву стратегического значения. Подобная беспечность шла вразрез со всеми должностными инструкциями.

Зажав в руке заветный лист, Лао Фэн осторожно переспросил:

— Директор У, вы уверены? Мы действительно открываем Люй Фэну полный доступ?

— Не только ему, но и Чжун Кэ с Цянь Сюяном, — спокойно ответил У Инци.

Фэн Ханьлинь уставился на него в полном недоумении.

— Вас что-то смущает? — приподнял бровь директор.

— С Чжун Кэ всё понятно, она у нас без малого семь лет трудится, проверенный кадр, — потирая переносицу, заговорил Лао Фэн. — С Цянь Сюяном тоже вопросов нет, его отец — наш замдиректора, парень с детства рос под правильным идеологическим присмотром. Но Люй Фэн... Он слишком молод, к тому же только вчера вернулся из Англии. Мы ещё не видели его реальных результатов на государственном поприще. Что, если он завтра соберётся обратно в своё лондонское бюро «С. Е»? Мы собственноручно отдадим иностранцам уникальные технологические секреты?

У Инци прекрасно понимал его тревогу. Мостостроение являлось фундаментом национальной безопасности и экономики, и утечка чертежей из архива могла обернуться колоссальным ущербом. Однако он лишь мягко улыбнулся:

— Лао Фэн, ты забыл про Мост Юэцзян?

— Точно! — Фэн Ханьлинь хлопнул себя по лбу, но тут же озвучил давнее сомнение: — Чертежи Моста Извилистого залива и все патентные документы на трёхгранные стальные опоры хранятся под замком в нашем сейфе. Откуда он взял точные инженерные параметры?

По Мосту Извилистого залива действительно было опубликовано более двухсот научных статей. Но ни одна научная публикация не содержит подробных детализированных спецификаций и чертежей узлов сопряжения — того, что составляет суть любого оригинального патента. Тем не менее, Люй Фэн сумел воссоздать сложнейшую конструкцию и спроектировать Мост Юэцзян, опираясь лишь на открытую публицистику. И не просто спроектировать, а уверенно читать лекции ведущим специалистам института. С какой стороны ни посмотри, это граничило с чудом.

У Инци, впрочем, ничему не удивлялся. После той памятной «презентации» на собеседовании он досконально понял натуру этого юноши.

— Лао Фэн, всё просто. Он не ищет готовых шаблонов, он докапывается до сути сам. Понимаешь, если мы дадим ему эти чертежи, он за пару месяцев найдёт новое применение нашим патентам и сделает шаг вперёд. Если закроем архив — он потратит пару лет, перероев горы открытых статей, но всё равно додумается до всего сам и построит ещё один шедевр вроде Моста Юэцзян.

Директор вздохнул, его улыбка стала мягче, а во взоре промелькнула светлая грусть по ушедшей эпохе.

— Людям такого склада может не хватать справочников, наставлений или финансирования. Но у них в избытке того, что не купишь ни за какие деньги: горячего сердца, непреклонной воли и искренней преданности своему делу.

У Инци отдал этой профессии больше тридцати лет. В детстве он зачитывался историями о первых строителях молодой республики. Семь десятилетий китайского мостостроения не состоялись бы без тех инженеров-первопроходцев, готовых жертвовать всем ради великой цели. В те времена почти все ключевые патенты на возведение сложных конструкций принадлежали иностранным компаниям. Зарубежные специалисты откровенно посмеивались над попытками молодой державы строить самостоятельно. Но наши деды и отцы упрямо гнули свою линию: работали сутками, проводили бесконечные испытания и вопреки всему возводили переправы через глубокие реки и пропасти. Именно их руками создавались те самые бесценные архивы, которыми сегодня гордится институт.

Когда У Инци осознал, что Люй Фэн спроектировал Мост Юэцзян лишь на основе сухой теории и личной инспекции, в его памяти ожили имена великих мастеров прошлого. Некоторые из них не имели даже высшего образования, другие никогда не выезжали за пределы родной провинции, но именно они покрыли страну сетью сложнейших транспортных артерий.

— За семьдесят лет технологии ушли далеко вперёд, многие старые проекты уже не соответствуют современным стандартам безопасности, — произнёс У Инци, возвращаясь в

кресло. — Но мы бережём эти пожелтевшие ватманы не ради музейной ностальгии. Они нужны для того, чтобы такие ребята, как Люй Фэн, унаследовали дух и образ мысли наших великих предшественников. Так зачем нам вставлять палки в колёса собственной молодёжи? Парень подписал все документы о неразглашении. Мы обязаны оказать ему полное доверие.

Новость о том, что архив распахнул свои двери, повергла Чжун Кэ и Цянь Сюяна в шок.

Последний с детства наслушался от отца историй о строжайших порядках в институте. Секретный фонд, мостостроительный архив, симуляционные лаборатории архитектурного филиала и цифровые топографические карты дорожного ведомства всегда охранялись как государственные тайны. И надо же — его, лоботряса, мечтающего лишь о тёплом местечке, директор У лично вписал в список допуска! Цянь Сюян отказывался верить своим глазам.

— Директор Фэн, это какая-то ошибка? Что всё это значит? — недоумевал парень.

— Хочешь учиться на великих примерах прошлого — иди и изучай, — отрезал Фэн Ханьлинь. — Не хочешь — сиди над своими расчётами по Мосту Горы Чёрного Воробья, никто тебя за уши в архив не тянет.

— А как же я? — робко подала голос Чжун Кэ.

Чжун Кэ долгое время занимала в отделе позицию незаметного чертёжника на побегушках, так что внезапное щедрое доверие смутило её не меньше, чем Цянь Сюяна. Однако в разговоре с девушкой суровый тон Лао Фэна сменился благожелательной улыбкой:

— Директор У видит в тебе большой потенциал. Он считает, что твои навыки пригодятся Люй Фэну для разработки новой концепции по Мосту Горы Чёрного Воробья. Я уже переговорил с вашим руководителем группы: с сегодняшнего дня ты освобождаешься от текущей рутины. Твоя единственная задача — помогать Люй Фэну. Твои прежние задачи перепоручат другим сотрудникам.

Разница в отношении была очевидной. Избалованному сынку замдиректора снисходительно бросили: «хочешь — смотри, не хочешь — не надо». К Чжун Кэ же отнеслись как к перспективному специалисту, возложив на неё серьёзные надежды.

Уязвлённое самолюбие «золотого мальчика» взбунтовалось. Он ведь тоже не сидел сложа руки: послушно карабкался по диким склонам ущелий, стирал ноги в кровь, мучился от боли в пояснице и изо всех сил пытался проявить себя. Почему же в глазах руководства он оказался менее ценным сотрудником, чем какая-то серая мышка из чертёжного отдела?

— Ну и прекрасно! Возитесь со своим безумным серпантинном сколько влезет, а я сосредоточусь на научной диссертации, — высокомерно фыркнул Цянь Сюян, вскинув подбородок. — Попомните моё слово: я опубликую свою работу в престижном журнале раньше, чем вы вообще поймёте, как подступиться к проектированию этой горной петли!

Впрочем, доля истины в его словах была.

Вернувшись из экспедиции, Люй Фэн исчеркал не один десяток ватманов, пытаясь увязать самый сложный рельеф горы Чёрного Воробья со своей концепцией петлевого моста. Выбрать оптимальное расположение опор в этих диких ущельях никак не удавалось. Люй Фэн никогда не проектировал на авось: каждый его штрих рождался лишь в результате скрупулёзного анализа архивных материалов, проверки теоретических выкладок и строгих математических расчётов.

С того дня, как открылся доступ к архиву, Люй Фэн практически переселился туда. Любые сведения о мостовых конструкциях, применимых в условиях крутого горного рельефа — пусть даже созданные полвека назад, — извлекались на свет и раскладывались на огромном столе в конференц-зале. Каждый день инженер приходил в институт первым, а уходил глубокой ночью. Если бы не регулярные видеозвонки от Инь Ицяо, неизменно раздававшиеся в девять-десять вечера, Люй Фэн наверняка притащил бы сюда раскладушку и остался жить прямо в кабинете.

После возвращения Инь Ицяо в Великобританию их чат в WeChat ожил. Люй Фэн нечасто заглядывал в телефон посреди рабочего дня, но каждый раз, разблокировав экран, обнаруживал пачку сообщений с фотографиями, эскизами и наводящими вопросами.

«Старший соученик: Прочитал несколько отчётов о Мосте Извилистого залива. Потрясающий масштаб, построить такое в Китае было настоящим подвигом».

«Старший соученик: На днях поймал вдохновение. Что, если использовать принципы мостостроения для организации внутреннего пространства зданий? Хочу создать иллюзию переходов между парящими корпусами. Посмотри на этот набросок [Фото]».

«Старший соученик: Концепция Моста Юэцзян великолепна. Я попытался воссоздать его модель в программе, но потерпел неудачу».

Шагая по вечерней улице и подставляя лицо прохладному ночному ветру, Люй Фэн лениво листал переписку. Вся накопившаяся за день усталость и тяжесть ответственности мгновенно улетучивались.

«Ты пробовал 3D-печать?»

Люй Фэн искренне забавлялся — увидеть, как у его блестящего старшего соученика что-то не получается, было редким удовольствием.

«В конструкции Моста Юэцзян используются трёхгранные стальные опоры, требующие предельно плотного переплетения тончайших полых стальных трубок, — быстро набирал он

ответ. — Обычный 3D-принтер даёт слишком большую погрешность на таких масштабах. Неудивительно, что модель рассыпается».

Не прошло и двух минут, как экран замигал входящим видеовызовом. Привычным жестом Люй Фэн нажал на кнопку приёма. В тусклом свете уличного фонаря его лицо озарилось улыбкой — на экране появился Инь Ицяо. Между ними лежали тысячи километров и семь часовых поясов, но они всегда ухитрялись ловить эти короткие моменты совпадения свободного времени.

— Только с работы? — спросил Инь Ицяо, разглядывая через камеру тёмную улицу за спиной собеседника. — Осторожнее на дорогах в такое время.

— В Китае куда безопаснее, чем в Англии, так что не переживай, — Люй Фэн покрутил затёкшей шеей и развернул камеру телефона, показывая бурлящую жизнью улицу с ярко освещёнными палатками уличной еды. — У нормальных людей ночная жизнь только начинается, а я, старик, уже плетусь домой отсыпаться.

Инь Ицяо негромко рассмеялся. Ему безумно нравилась эта непринуждённая манера Люй Фэна шутить, этот расслабленный вид и мягкий свет в его глазах. Они увлечённо обсуждали трёхмерные модели, перебрасывались идеями об интеграции мостовых конструкций в современные интерьеры. Видеозвонок прервался лишь тогда, когда Люй Фэн отпер дверь своей квартиры и они пожелали друг другу доброй ночи.

В Китае стрелки часов приближались к десяти вечера, в то время как в Лондоне едва перевалило за полдень. В офисе архитектурного бюро «С. Е» всю кипела работа, и до конца рабочего дня Инь Ицяо было ещё очень далеко.

Погасив экран телефона, архитектор толкнул тяжёлую дверь переговорной. С порога его оглушил привычный многоголосый гул — обсуждение фасада нового концертного зала шло на повышенных тонах.

— Господин Савьер настаивает на сохранении аутентичного колорита фламенко! Фигура танцовщицы обязана увенчать центральную ось здания!

— Да никто не предлагает её убирать! Мы лишь просим слегка скорректировать масштаб, уменьшить её буквально на малую толику!

— Какая к чёрту «толика»?! Ваша «толика» превратит гордую летящую фигуру в уродливого карлика! Это прямое оскорбление всей эстетики фламенко!

Джейсон, вконец измотанный препирательствами с представителем заказчика, едва сдерживал вздох. Он всего лишь хотел пропорционально уменьшить венчающий крышу силуэт

танцовщицы, но его оппонент уже успел приплести сюда оскорбление национального достоинства. Заметив вернувшегося Инь Ицяо, помощник облегчённо выдохнул:

— Инь! Слава богу. Объясни ему, наконец, в чём проблема с этой фигурой!

Инь Ицяо окинул взглядом разложенные чертежи, мгновенно уловив, что спор сместился от конструкции парящей кровли к декоративному элементу. Повернувшись к представителю заказчика, он спокойно произнёс:

— Мы сохраним первоначальный размер статуи.

Джейсон вытаращил глаза, решив, что ослышался.

Инь Ицяо плавно вытянул из стопки генеральный план Концертного зала фламенко и быстрым, уверенным движением карандаша набросал вокруг здания новую пунктирную границу.

— Разумеется, чтобы соблюсти классические пропорции между объёмом здания и венчающей его доминантой, нам придётся расширить общую площадь застройки ещё на сто квадратных метров. Это поглотит часть внешней парковой зоны и увеличит смету проекта примерно на сто-сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

Теперь челюсть отвисла у представителя заказчика.

— Деньги не проблема! — вскинулся тот, багровея. — Но если мы расширим зал, пострадает ландшафт! Господин Савьер категорически требует стометровую парковую зону вокруг здания!

— Вот как? — Инь Ицяо посмотрел на него с абсолютным, леденящим равнодушием. — В таком случае вам стоит спросить у господина Савьера напрямую, что для него важнее: роскошный сад или гигантская танцовщица на крыше.

Напыщенность представителя лопнула как мыльный пузырь. Он позволял себе орать и стучать кулаком по столу лишь потому, что перед ним сидел рядовой ассистент Джейсон. Но спорить с ведущим архитектором Инь Ицяо мужчина не решился. Скрипнув зубами, он забрал скорректированный эскиз с уменьшенным силуэтом танцовщицы и пообещал передать его на согласование господину Савьеру.

После возвращения Инь Ицяо из Китая бюро «С. Е» оперативно закрыло проект Публичной библиотеки Литы и полностью переключилось на Концертный зал фламенко. Молодой мастер славился бескомпромиссным отношением к качеству работы, и даже самые капризные инвесторы не рисковали диктовать ему свои условия. Да и как спорить? Перед ними стоял не просто талантливый юноша, а внук самого великого Инь Чжили, чьё имя в мировой архитектуре было священным. Нахамить помощнику — сойдёт с рук, но попытка надавить на Инь Ицяо могла закончиться тем, что инвестор лишился бы контракта, а в профессиональной

среде за ним навсегда закрепились бы репутация дилетанта и самодура.

Очередной конфликт с заказчиком был улажен с изящной лёгкостью. Однако Джейсон подметил одну странную деталь: с тех пор как босс вернулся из отпуска, он заимел привычку ровно в два-три часа дня куда-то исчезать. Посреди жаркого обсуждения концепта или во время редких совместных обедов Инь Ицяо неизменно извинялся, отходил на пять-десять минут и никогда не объяснял причин своего отсутствия. Для законченного трудоголика, начисто лишённого личной жизни и привыкшего контролировать каждую мелочь в работе, подобное поведение казалось дикостью. Если только...

Не выдержав, Джейсон подкараулил удобный момент тихим предвечерем и как бы невзначай поинтересовался:

— Инь, как поживает твой дедушка? У мастера Инь всё в порядке со здоровьем?

Архитектор бросил на него короткий взгляд:

— Да, спасибо. Он чувствует себя прекрасно.

— А твои родители? С ними всё хорошо?

Заметив, как у Инь Ицяо недовольно дрогнула бровь, Джейсон замахал руками:

— Нет-нет, не подумай ничего дурного! Я просто искренне беспокоюсь за тебя.

Инь Ицяо убрал руку с мыши и слегка откинулся на спинку кресла:

— Выкладывай напрямую, что стряслось?

Джейсон за два года совместной работы выучил этот жест наизусть: босс давал добро на откровенный разговор.

— Ну, понимаешь... — Джейсон почесал затылок. — Мы заметили, что ты каждый день уходишь в одно и то же время. Выглядит так, будто ты отчитываешься перед лечащим врачом. Вот мы и запереживали.

У семейного доктора Джейсона тоже бывали подобные причуды: требовать отчётов о съеденном завтраке ровно в семь утра, контролировать приём таблеток в полдень и запрещать бокал вина по вечерам. Помощник всерьёз испугался, что у его блестящего шефа обнаружили какую-нибудь скрытую болезнь.

Но эти расспросы заставили суровое лицо Инь Ицяо дрогнуть. Его губы тронула мимолётная, непривычно тёплая улыбка. Быстро взяв себя в руки, он кашлянул и отвёл взгляд:

— Ошибаешься. Я просто звоню.

— Звонишь? — Джейсон разинул рот.

Ему и в голову не могло прийти, что для обычного телефонного разговора нужно заводить будильник и бросать совещания на полуслове.

— Инь, ты хоть понимаешь, сколько звонков от разгневанных заказчиков я отбиваю ежедневно, сочиняя сказки о твоей нереальной занятости?! — парень едва не подпрыгнул на месте. — И ты бросаешь меня на амбразуру просто ради того, чтобы поболтать по телефону?! Не верю! И эта твоя улыбочка... Только не говори мне, что ты ввязался в какие-то странные ролевые игры с доминированием, где твой партнёр требует отчётов по расписанию!

Фантазия Джейсона явно уносила его в дебри бульварных романов. Миротлюбивое настроение Инь Ицяо мгновенно испарилось, уступив место привычной ледяной строгости.

— Джейсон, советую тебе поменьше забивать голову чушью и побольше штудировать учебники по сопромату. Поверь, для твоей карьеры это гораздо полезнее.

— Ладно-ладно, — стушевался помощник, осознав, что перегнул палку. — Я ведь просто забеспокоился.

Вот теперь перед ним стоял прежний, безжалостный архитектор Инь. Всё вернулось на круги своя.

— Я правда переживал, — примиряюще добавил Джейсон. — Главное, что ты здоров. А если вдруг понадобится помощь — помни, что можешь на меня рассчитывать.

Инь Ицяо мысленно открестился от столь эксцентричного помощника. Раскрыв лежавшую на краю стола папку, он извлёк несколько свежих чертежей и протянул их Джейсону с самым серьёзным выражением лица:

— Премного благодарен за участие. В качестве ответной любезности у меня есть для тебя задание: организуй в кратчайшие сроки перепланировку моей личной зоны в Выставочном зале «С. Е». Всё должно быть строго по этим эскизам.

Джейсон принял чертежи, убедившись, что всё вернулось на круги своя.

«Что и требовалось доказать, — мысленно усмехнулся он. — Работа для этого человека —

единственный приют. Какая уж тут романтика? Стал бы он тратить время на глупости, когда можно лишний вечер посидеть над планами застройки».

Для Инь Ицяо чертёжная доска всегда оставалась лучшим убежищем.

Выставочный зал архитектурного бюро «С. Е» хранил память о величайших триумфах и наградах всех ведущих мастеров фирмы, начиная с золотой эпохи Инь Чжили. По сути, это был полноценный музей. Расположенный на первом этаже здания, он имел отдельный вход с улицы и регулярно открывал двери для всех желающих. Каждому архитектору выделялась персональная зона, оформление которой полностью зависело от его эстетических предпочтений и творческого видения.

Именно здесь клиенты и ценители искусства могли ближе познакомиться с характером каждого автора. Выставочный уголок Инь Ицяо всегда отличался лаконичной, почти стерильной строгостью. Строгий ряд наград, несколько фотографий реализованных объектов, сухие аннотации к концепциям — ни единой детали, выдающей личные пристрастия хозяина. Абсолютный минимализм, холодный и неприступный, как сам архитектор. Но когда Джейсон развернул новые чертежи перепланировки, у него перехватило дыхание.

Новый концепт ломал все прежние шаблоны. Архитектор спроектировал на стенах сложный рельефный узор, а по потолку и стыкам пустил массивные несущие балки, создающие невероятную глубину пространства. Но самым поразительным элементом конструкции был огромный круглый подиум в центре экспозиции.

— Это ещё что такое? — Джейсон ткнул пальцем в круг. — Какая-то зона отдыха?

Заглянувшая через его плечо Анна покачала головой:

— Нет, судя по спецификации, это выставочный постамент.

— Постамент?! — Джейсон прикинул габариты конструкции. — Он же огромный! Неужели Инь наконец-то решил выставить макет Музея береговой линии или Башни Коннис в полную величину?

— Кто знает, что творится у него в голове, — пожала плечами Анна. — Но если ради этого он перестраивает весь зал, вещь для него действительно бесценная.

На мониторе Инь Ицяо светился трёхмерный макет моста, украшенного изящной рельефной резьбой. Его плавная изогнутая линия казалась совершенным произведением искусства. В соседнем окне была открыта фотография свежестроенной библиотеки, залитой тёплым золотом заходящего солнца. Контраст между каменной строгостью здания и стремительным

полётом моста завораживал.

Просидев перед экраном больше десяти минут, архитектор взглянул на часы. В Пекине стрелки подбирались к десяти вечера — самое время. Он привычным жестом коснулся иконки вызова.

— Да? Что-то случилось? — раздался в динамике негромкий голос.

Люй Фэн сидел, слегка нахмурившись, и не отрывал взгляда от своего экрана. Похоже, работа в институте кипела полным ходом.

— Сильно занят? — спросил Инь Ицяо. Вместо привычного уличного пейзажа за спиной собеседника теперь виднелась ровная белая стена конференц-зала.

— Да, откопал сегодня потрясающие архивные материалы. Они могут решить проблему с устойчивостью главного пролёта, так что решил сразу набросать черновую 3D-модель. — Он наконец поднял глаза на камеру и мягко добавил: — Я быстро, засиживаться допоздна не буду, обещаю.

Инь Ицяо почувствовал, как сердце наполняется невыразимой нежностью. Даже когда Люй Фэн был полностью поглощён своими чертежами, в их разговорах сквозило удивительное тепло. Улыбнувшись, он откинулся на спинку кресла:

— Я отправил тебе несколько свежих снимков готовой библиотеки Лита, а ты, получается, даже не заглядывал в чат.

— А... — Люй Фэн на секунду отвлёкся от экрана, его взгляд удивлённо сфокусировался на камере. — Неужели строительство уже завершено? Так быстро?

— Стройка идёт больше года, инженер Люй, — со смешком вздохнул Инь Ицяо.

— Надо же, — Люй Фэн не сдержал улыбки. — Зная британские темпы, я думал, они провозятся ещё года четыре.

При обычных обстоятельствах так бы и случилось. Но под безжалостным контролем Инь Ицяо даже медлительные англичане зашевелились быстрее, показав рекордную для бюро «С. Е» эффективность. Вслух архитектор этого говорить не стал, лишь тихо спросил:

— И когда же ты выкroiшь время, чтобы взглянуть на свой дипломный проект вживую?

Улыбка Люй Фэна угасла. На его лице отразилось сложное, болезненное замешательство.

— Я... в ближайшее время вряд ли смогу...

«У меня нет времени», «в институте завал» или «я просто не хочу возвращаться в Лондон» — Инь Ицяо прекрасно понимал все невысказанные причины. Он не стал заставлять юношу придумывать вежливые отговорки и мягко прервал его:

— Я буду ждать.

Встретившись с его растерянным, ошеломлённым взглядом через экран телефона, Инь Ицяо нежно улыбнулся:

— Библиотека Лита никуда не денется. Сколько бы времени ни прошло, когда бы ты ни решился приехать — я буду ждать тебя здесь.

<http://bllate.org/book/20104/2003812>